

С.А. Васильева

**ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ «ТЮРЕМНОГО ЭДЕМА»:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМАСА ЭДДИ НА ПОСТУ ДИРЕКТОРА ПЕРВОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕНИТЕНЦИАРИЯ НЬЮ-ЙОРКА НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.**

Статья посвящена вопросам организационного оформления первой государственной исправительной тюрьмы в г. Нью-Йорке в конце XVIII – начале XIX в. Рассматриваются деятельность малоизвестного американского предпринимателя и филантропа и его роль в становлении идеологии американской пенитенциарной реформы. На основе англоязычных источников, не переводимых ранее на русский язык, прослеживается путь реформатора от руководителя комиссии штата Нью-Йорк по тюремным преобразованиям до поста первого директора пенитенциария «Ньюгейт».

Ключевые слова: американская тюремная реформа; Томас Эдди; квакеры; пенитенциарное учреждение.

Личность и имя Томаса Эдди – американского банкира, политического деятеля, филантропа и первого директора первой государственной тюрьмы Нью-Йорка – практически не известны в отечественной научной литературе. В кратких биографических справках и указателях, доступных преимущественно на иностранном языке, основной акцент сделан на деловой карьере Томаса Эдди. Сын ирландских эмигрантов, рожденный в 1758 г. в Филадельфии штата Пенсильвания, воспитывался в строгих традициях протестантского религиозного движения квакеров. Стартовый капитал Т. Эдди приобрел в первые годы существования республики на перепродаже импортных товаров, получаемых главным образом из Англии и Ирландии. Коммерческий кризис 1781–1783 гг. вынудил Т. Эдди сменить род деятельности: переехав в Нью-Йорк, молодой предприниматель основал там первую страховую компанию (Mutual Insurance Company), финансировал кампанию по контролю речного судоходства (Western Inland Lock Navigation Company), а в 1803 г. стал одним из основателей первого Нью-Йоркского сберегательного банка. Успехи деловой карьеры Т. Эдди затмевают его социальные проекты, которые, между тем, отличаются прогрессивными идеями, гуманистической направленностью и искренним патриотизмом. В данной статье будут освещены малоизвестные аспекты его реформаторской деятельности в качестве руководителя комиссии по проведению тюремной реформы в штате Нью-Йорк и на посту первого директора государственной тюрьмы.

После окончания войны за независимость 1775–1783 гг. Соединенные Штаты Америки превратились в арену долгосрочных социально-политических и религиозных экспериментов. Перспектива осуществлять реформы в условиях построения новой государственности открывала поистине захватывающие возможности. Европейское просвещение и прогрессивные гуманистические идеи подготовили теоретическую и идеологическую основы американских социальных преобразований. В свою очередь, формирование молодого американского государства, что называется «с чистого листа», представило такой простор для социальных

экспериментов, которого были лишены европейские страны. Одним из результатов подобных новаторских стремлений в Соединенных Штатах, получивших широкую известность и признание в мире, стали реформы системы исполнения уголовных наказаний и создание первых прогрессивных пенитенциарных (исправительных) систем.

Одним из центров пенитенциарного реформаторского движения стал Нью-Йорк. Еще с колониальных времен атмосфера в штате Нью-Йорк характеризовалась высокой степенью социальной напряженности. Этническое и религиозное многообразие населения, более динамичное экономическое развитие, постоянный приток иммигрантов и сопутствующий этому повышенный уровень маргинализации жителей штата – все это серьезно подрывало социальную стабильность и способствовало криминализации населения. Неслучайно Нью-Йорк традиционно отличался более высоким уровнем преступности как в колониальный период, так и в первые годы независимости.

Система уголовного правосудия новообразованного штата Нью-Йорк функционировала на основе еще британских «кровавых кодексов» XVIII в. Так, например, смертная казнь полагалась более чем за 16 видов правонарушений, как-то: убийство, государственная измена, грабеж, фальшивомонетничество, а также за совершенные повторно имущественные преступления, и применялась значительно чаще, чем в других колониях [1. Р. 25]. Следующими по распространенности были «позорящие» наказания: столб, публичная порка, клеймение отдельных частей тела. В то же время система исполнения судебных решений по уголовным делам была не безупречна: по подсчетам известного американского социолога и криминолога, основателя «математической криминологии» Дэвида Гринберга поступавшие для судопроизводства примерно две пятых дел не были доведены до приговора или его исполнения. Более 50 процентов приговоренных к высшей мере наказания преступников в конечном итоге были помилованы. По оценке Д. Гринберга, «уголовное правосудие широко варьировало в зависимости от принадлеж-

ности обвиняемого к определенной социальной категории, как, впрочем, и от других причин» [1. Р. 36, 71].

В конце XVIII в. в Соединенных Штатах старая система исполнения наказаний находилась в кризисе и уже не справлялась с нарастающим количеством «клиентов». А новая система, еще лишь формировавшая свои контуры, испытывала острую нехватку в специализированных пенитенциарных учреждениях и в обученных сотрудниках, готовых нести этот вид государственной службы. Именно в этот период, в 1793–1795 гг., Т. Эдди возглавил комиссию по подготовке пенитенциарной реформы в штате Нью-Йорк.

К тому времени первый прогрессивный опыт кардинальной трансформации системы тюремного содержания был предложен жителями штата Пенсильвания. В 1787 г. активные общественные и политические деятели, преимущественно квакерского вероисповедания, основали «Общество облегчения страданий арестантов» (The Philadelphia Society for Alleviating the Miseries of the Public Prisons). Идеологи общества сформулировали простые принципы новой тюремной дисциплины: одиночное заключение, основанное на строжайшем разделении арестантов, обеспечение полной тишины и условий для чтения Библии и простого труда. Законотворческие инициативы квакеров были поддержаны властью штата: в филадельфийской тюрьме Уолнат Стрит (Walnut Street Jail) полным ходом шел пенитенциарный эксперимент, результат которого вошел в историю тюремоведения как *пенсильванская* (она же филадельфийская, квакерская, келейная) *пенитенциарная система*. Первым куратором и идейным вдохновителем филадельфийской практики стал квакер Калед Лоунс – предприниматель, союзник основателя республиканской партии Т. Джефферсона, создатель современного герба Пенсильвании, первый директор тюрьмы Уолнат Стрит.

Воспитанный в Пенсильвании, в духе квакерских традиций и в лоне маленькой религиозной общины, Т. Эдди полностью разделял идеологию «Общества облегчения страданий арестантов». основополагающий принцип их веры утверждал, что частица Бога, или «Внутренний Свет», существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности и нравственного облика. Это обстоятельство, по убеждениям квакеров, предоставляло возможность даже самому закоренелому преступнику, как бы глубоко он ни погряз в грехах и преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. В соответствии с теологией и этикой квакеров такое искупление требовало глубокого и длительного по времени раскаяния, возможного только в условиях одиночного тюремного заключения.

Как и многие просветители XVIII столетия, Т. Эдди верил, что судить о нации можно по состоянию ее тюрем. В связи с этим он подвергал резкой критике современную ему систему наказания: смертную казнь, позорящие столбы и клеймение частей тела. Считая

знаменитого филантропа и реформатора тюремного дела Джона Говарда «величайшим англичанином» и примером для подражания, он сосредоточился на создании законодательной базы для пенитенциарных преобразований. Возглавив комиссию по подготовке пенитенциарной реформы, Т. Эдди представил в 1796 г. сенаторам штата Ф. Шайлеру и А. Спенсеру пакет законопроектов, установивший новые стандарты пенитенциарного содержания в Нью-Йорке. Законопроект отменял смертную казнь за все преступления, кроме убийства и государственной измены. Также упразднялся ряд телесных и позорящих наказаний, например порка у столба и клеймение. Тюремное заключение с организацией работ или одиночное содержание либо сочетание этих режимов становились основными видами уголовного наказания [2. Р. 10].

Идеальной целью и результатом своей деятельности Т. Эдди видел создание такой уголовно-исполнительной системы, которая будет, с одной стороны, охранять общественный порядок, с другой – способствовать снижению уровня преступности. Это станет возможным, писал он, когда обновленная тюрьма представит преступникам возможность «обратить взор внутрь, в свое собственное сердце» и осознать необходимость глубоких нравственных перемен [3. Р. 15–16]. Соглашаясь с французским мыслителем Ш. Монтескье в оценке соотношения гражданских законов и религии, Т. Эдди видел в христианской религии мощный потенциал для стабилизации социального порядка [Ibid. Р. 6, 64].

После законодательного утверждения новых принципов и стандартов тюремного заключения Т. Эдди был назначен ответственным за разработку проекта и строительство первой государственной тюрьмы в Нью-Йорке в местечке Гринвич Виллидж. В первую очередь реформатор обратился к пенсильванскому обществу за практической помощью: посетил тюрьму Уолнат Стрит, встретился с К. Лоунсом, провел исследование особенностей одиночного заключения. Пенсильванские реформаторы, обобщая шестилетний опыт функционирования пенитенциария, были убежденными сторонниками одиночного заключения. «Общество облегчения страданий арестантов» предоставило нью-йоркскому комитету чертежи и планы филадельфийских пенитенциарных строений. К. Лоунс настаивал на том, что одиночное заключение в сочетании с грамотно организованным надзором сведет к минимуму потенциальные проблемы безопасности и охраны: лишенные возможности контактировать друг с другом, заключенные просто не смогут конфликтовать, спланировать коллективное нападение, бунт или побег. Четкие задачи рядового тюремного персонала, ограниченные организацией кормления и келейных работ позволяли не «раздувать» штат пенитенциарного учреждения. Наконец, келейная система давала возможность выстроить индивидуальную шкалу привилегий для заключенного: поощрения в виде посещения родных или расширения круга чтения или, напротив, лишение привилегий нарушителей режима.

Несмотря на то что Т. Эдди заимствовал много идей и чертежей филаделфийцев, особенно в части организации трудовых мест и ритуальных комнат, он постепенно размежевался с ними по вопросу базового принципа пенсильванской системы – одиночного заключения. Т. Эдди разделял убеждение членов «Общества...» относительно губительного воздействия определенной социальной среды на нравственные склонности человека: азартные игры, доступные женщины, невозддержание в еде и напитках создают непреодолимые соблазны. Однако он был убежден, что в тюрьме эти факторы можно нейтрализовать, не прибегая к полной и обязательной изоляции личности. Квakerская религиозная культура всегда отдавала предпочтение совместным собраниям и встречам, своеобразной «корпоративной дисциплине». Поэтому его идеалом пенитенциарного учреждения был, по определению историков-пенитенциаристов, «закрытый сад» (*enclosed garden*) – модель тюремного земного Эдема, созданная для перерождения личности [4. Р. 28]. По оценке, которую дала нью-йоркскому эксперименту американская исследовательница Гейл Финней, «этот сад предполагал некую идеализированную альтернативу социальной реальности: “высадив целый клубок криминальных элементов” в нью-йоркском “Эдеме”, Т. Эдди надеялся собрать урожай в виде благонравного поведения и дисциплины» [5. Р. 21–22].

Тюрьма, построенная по проекту Т. Эдди в 1797 г., получила название «Ньюгейт» (*Newgate Jail*) – «Новые ворота» – и по замыслу реформатора должна была стать символическими воротами в новый мир. Однако, вполне возможно, что кроме религиозно-нравственного смысла в название было вложена и политическая составляющая. Новая тюрьма должна была стать символом преодоления старых английских традиций исполнения уголовных наказаний, олицетворением которых в то время была печально знаменитая лондонская тюрьма под тем же названием Ньюгейт (*Newgate Prison*).

Здание новой тюрьмы состояло из четырех секторов, крылья которых смыкались с административным корпусом. Разделенное на камеры, в каждую из которых помещались по 8 человек, здание Ньюгейт было рассчитано принимать до 336 заключенных одновременно. В конце каждого крыла были предусмотрены карцеры для одиночного заключения. В северном крыле Ньюгейта находилось большое помещение для проведения совместных воскресных богослужений, в южном крыле – вместительная больница. На закрытой территории, огороженной стеной высотой в 23 английских фута (более 7 метров), располагались хозяйственные постройки и собственный огород. В тюремном комплексе были также предусмотрены производственные мастерские: сапожная, ткацкая, для работ по камню и мрамору. Еще на этапе строительства и планирования Т. Эдди предполагал, что в течение нескольких лет при надлежащей организации труда Ньюгейт мог

бы выйти на самообеспечение [3. Р. 35]. При проектировании новой тюрьмы большое внимание уделялось вопросу обеспечения чистоты и здорового климата: забота о водоочистительных сооружениях и системах циркуляции воздуха, организация прачечной – казалось, от внимания новой администрации не ускользнула ни одна мелочь.

Кроме постройки тюремных стен, к задачам первоочередной значимости относился тщательный отбор тюремного персонала. Воспитанный в квакерской религиозной общине, Т. Эдди невольно переносил ее основные ее черты – молитвенные встречи, совместный труд – на коллектив создаваемого им пенитенциарного учреждения. В общинах духовным пасторам-лидерам всегда уделялось особое внимание и почтение, их духовный авторитет был непререкаем, а забота о членах общины не заканчивалась с уходом «детей» из-под опеки. Будучи глубоко убежденным в том, что тюремный надзиратель – это прежде всего духовный наставник, Т. Эдди выдвигал к набираемым и специально обучаемым тюремным надзирателям определенные требования. В своих поисках подходящих кандидатур будущий директор Ньюгейта стремился нанимать «солидных господ, убежденных приверженцев какой-либо религиозной конфессии, разделяющих идею исправительной реформы» [*Ibid.* Р. 21, 28]. Система нравственного воспитания, по замыслу реформатора, предполагала использование метода «диффузии познаний»: когда на совместных встречах нравственно-религиозного характера выносились на обсуждение пороки пьянства и лени, проблемы невежества, корысти и праздности. Тюремную библиотеку пополнили достаточным количеством экземпляров Библии и школьных учебников, с безграмотными арестантами были предусмотрены вечерние занятия. По воскресеньям заключенных должны были посещать священнослужители [6. Р. 63].

В ноябре 1797 г. 68 осужденных впервые прибыли в Ньюгейт. Каждый тринадцатый заключенный мужского пола и каждая пятая женщина, поступающие в Ньюгейт, были афроамериканцами, более трети заключенных – иностранные мигранты, преимущественно из Ирландии, Вест-Индии и Англии. Большинство из них были осуждены за имущественные преступления – хищения, кражи, а также за подделку документов. Менее 10% заключенных обвинялись в разбое и насилии, менее 1% прибывших – в убийстве [7. Р. 28–29].

С первых дней работы государственной тюрьмы ее директор Т. Эдди ввел систему статистического учета арестантов. Поэтому обобщение имеющихся данных позволяет составить портрет среднестатистического обитателя Ньюгейта: представитель рабочего класса, преимущественно мигрант, который, за неимением средств к существованию в динамично развивающемся городе, совершал правонарушение, чтобы обеспечить себя «хлебом насущным». По прибытию заключенному полагались баня и чистая одежда. Со следующего дня со звоном колокольчика начинался рабочий день в од-

ной из тюремных мастерских. Еда, отдых, моления, отход ко сну – все сопровождалось звуковым сигналом – единственным разнообразием в монотонной тишине рабочего дня. На ночь надзиратели разводили заключенных по камерам.

Как ни один план сражения не выдерживает первого же столкновения с реальным противником, так мечтателю и идеалисту Т. Эдди пришлось пересмотреть свое видение «тюремного Эдема»: уже в первые месяцы работы тюрьмы он столкнулся с суровой действительностью. К моменту запуска Ньюгейта в 1797 г. строительные и отделочные работы были еще не закончены: наружная стена, часть мастерских и технических помещений были только в стадии фундамента. Это мешало достижению главного замысла творца Ньюгейта – достижения полной изоляции его «сада» от внешнего мира. Недостроенная стена стала непреодолимым соблазном: в 1798 г. произошел побег 15 заключенных, две попытки к побегу были пресечены внешней охраной.

Немалые трудности возникли и с организацией трудового обучения и воспитания. Значительная часть арестантов попадала в Ньюгейт за мелкое воровство, поэтому краткосрочное пребывание не позволяло большинству заключенных освоить даже стадию обучения, не говоря уже о «трудоустройстве» в полной мере. Более того, многие арестанты попадали в Ньюгейт неизлечимо больными, страдающие хроническим алкоголизмом, с обнаружившимися психическими заболеваниями и пр., что делало их изначально неспособными к монотонной механической работе. У большинства отсутствовали минимальные трудовые навыки, что приводило к систематической поломке оборудования и порче конечной продукции.

На грани провала оказалась и программа нравственного перевоспитания заключенных. Совместное пребывание в ночной период в восьмиместных камерах превратилось в те самые «академии преступлений», против которых была настроена филладельфийская система одиночного содержания [3. Р. 38]. Надзиратели не могли контролировать общение между сокамерниками в темное время суток: результатом сговора часто становился демонстративный отказ от работы, что отрицательно влияло на общую дисциплину. Возможность общения между арестантами периодически приводила к попыткам организованных нарушений режима. Летом 1800 г. произошел дерзкий побег, предотвратить который не удалось даже вооруженной охране. А в апреле 1803 г. двадцать арестантов совершили массовый побег, в то время как оставшиеся в тюремных стенах совершили поджог здания и нападение на охрану. В ходе подавления бунта четверо арестантов были убиты.

Борясь с этими недостатками, с 1801 г. Т. Эдди начинает практиковать более детальную классификацию осужденных, группируя «самых закоснелых в преступлении» в отдельном тюремном крыле с усиленным надзором и более строгой дисциплиной. Ньюгейт рас-

полагал 28 карцерами: восемь футов (2,5 м) в длину, шесть футов (менее 2 м) в ширину и четырнадцать футов (более 4 м) в высоту, с высокими окнами, без какой-либо мебели. Рацион питания арестантов, находящихся в одиночном заключении, резко отличался от общего стола: хлеб и вода. Таким образом, для этой категории «закоснелых в преступлении» Т. Эдди переходит к практике применения филладельфийской келейной системы. Карцер, однако, рассматривался им как крайняя мера воздействия на заключенных, оказывающих активное сопротивление режиму и дисциплине. Несмотря ни на что, убежденный филантроп и гуманист Т. Эдди продолжал считать, что не более 10% осужденным действительно необходимо такое «духовное испытание одиночеством», и то лишь для того, дабы в полном уединении заключенный мог «поразмыслить над своими грехами», «почувствовать угрызения совести» и «духовную муку».

Первые годы статистического учета поступающих в Ньюгейт и мониторинг преступности в г. Нью-Йорке пошатнули еще одну утопичную мечту реформатора: надежду на сокращение преступности в городе и штате. С 1797 г., т.е. с момента открытия Ньюгейта, рост преступности в Нью-Йорке продолжился. Это было связано с постоянным увеличением количества мигрантов и нищих-бродяг. Поэтому вскоре в развитие своих филантропических проектов Т. Эдди выступил с гуманистической инициативой «оздоровления социальной среды» в «порочном городе Нью-Йорк». Систематическое наблюдение за арестантами Ньюгейта, личные беседы с каждым сформировали у Эдди свое видение ситуации, которое он изложил в петиции к администрации штата. Он призвал «отцов города» к закрытию публичных домов и питейных заведений, предложил сократить количество магазинов, продающих ром и гог. «Конные скачки, петушиные бои и дома с дурной славой» поощряют порок и развращают народ, – говорилось в петиции. По подсчетам Т. Эдди, Нью-Йорк предлагал своим жителям более двенадцати сотен таверн; в связи с этим он обратился к законодателям с риторическим вопросом: «почему город не предложит столь же обширную сеть трудоустройства для бедных, вместо того, чтобы активно опьянять их» [6. Р. 94].

Вопрос этот остался без ответа, а карьера самого Т. Эдди на посту директора тюрьмы завершилась вскоре после смены политической власти в стране в 1801 г. Победа республиканцев привела к изменениям в политическом ландшафте штата и замене административной команды. Многие ключевые посты в социальной и политической сферах были перераспределены между чиновниками новой волны. Назначение нового директора в корне изменило всю концепцию первых лет функционирования Ньюгейта. Если Т. Эдди, выстраивая свой «тюремный Эдем», руководствовался принципами религиозного общинного воспитания и задавался главной целью – вернуть в общество нравственно пе-

перожденного гражданина, то новое тюремное начальство смотрело на Ньюгейт более утилитарно, как на составную часть государственной машины с четкой функцией: просто исполнять уголовное наказание.

Несмотря на то что идеальная модель «сада» и ее реальное воплощение оказались на деле весьма далекими друг от друга, первые годы функционирования Ньюгейта все же принесли свои плоды. Выступая в 1803 г. с отчетом в магистрате, Т. Эдди в качестве положительного результата приводил суждения освобождающихся из Ньюгейта: «...благодарность Провидению за то, что колесо преступного ремесла остановилось... Ньюгейт дал шанс задуматься о прошлом и будущем, оценить преимущества трезвости, силу и мощь религиозной веры» [Ibid. P. 87].

Венцом же его карьеры на посту руководителя первого исправительного учреждения штата Нью-Йорк стала книга «Повествование о государственной тюрьме, или первом пенитенциарии города Нью-Йорк», ставшая одним из самых ранних трудов в американской пенологии [3].

Размышляя на страницах этой книги о сути просвещенного государства, Т. Эдди еще раз продемонстрировал свою убежденность в том, что она состоит в гуманности и просвещенности каждого его гражданина. Такое государство не стремится уничтожить непокорных граждан, но содействует их перевоспитанию и прогрессу. Задавшись такой целью, «систему можно все-таки привести в действие», – заключает гуманист-реформатор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Greenberg D. *Crime and Law Enforcement in the Colony of New York*. Ithaca ; N.Y. : Cornell University Press, 1976.
2. Lewis W.D. *From Newgate to Dannemora: The Rise of the Penitentiary in New York, 1797–1848*. Ithaca ; N.Y. : Cornell University Press, 1965.
3. Eddy T. *An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York*. N.Y., 1801.
4. Graber J. *The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America*. The University of North Carolina Press, 2011.
5. Finney G. Garden Paradigms in 19th Century Fiction // *Comparative Literature*. Vol. 36, no. 1 (Winter 1984). P. 20–33.
6. Knapp S. *The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries*. New York : Conner & Cooke, 1834.
7. Hearn, Daniel Allen. *Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963*. Jefferson, N.C. : McFarland, 1997.

Vasileva Svetlana A. Academy of Penal Service of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

THE ATTEMPT TO CREATE «EDEN PRISON»: THE WORK OF THOMAS EDDY AS THE DIRECTOR OF THE FIRST STATE PENITENTIARY OF NEW-YORK AT THE TURN OF XVIII – XIX CENTURIES.

Keywords: American prison reform; Thomas Eddy; Quakers; penitentiary.

The article summarizes materials on the activities of Thomas Eddy – the American entrepreneur, philanthropist and the first Director of the first state prison of New York. The personality of Thomas Eddy is unknown to the Russian researcher. The article is based on the study of English-language sources, the author focuses on the detailed study of Eddy's humanistic and religious views, which he tried to bring in American prison reforms. There is a clear connection between Eddy's Quaker faith and upbringing and his program of correctional criminal punishment. Having headed the Commission on preparation for penal reform in the state of New York, Eddie has developed a package of bills that set new standards in prison: the death penalty as a form of criminal punishment for everything but murder and treason was restricted. Corporal punishments, such as pillory, whipping and branding, were abolished. Criminals faced imprisonment, which could be accompanied by “hard labor or solitary confinement, or both. In the implementation of its penal ideas and practices Thomas Eddy turned to the expertise and practical assistance of recognized leaders and pioneers of the American prison reform – The Philadelphia Society for Alleviating the Miseries of the Public Prisons. The ideologists of that society formulated the principles of correctional imprisonment, based on the system of solitary confinement and the treatment of sources of religious content. Thomas Eddy borrows conceptual idea of corrective punishment, however, argues against Philadelphia's colleagues on the issue of solitary confinement. The reformer wished to make a prison unit in which it could have a beneficial effect on the mental and moral nature of the prisoner. Designing the first state correctional prison of New York «the Newgate», Eddy put the task of creating an «enclosed garden» – a special way of the organized places of detention, which, according to his plan, would have been neutralized by harmful effects of a certain social environment on the moral propensities of the offender and leads to his moral rebirth by labor and religious education. The article summarizes some results of the first five years of operation of Newgate: it shows how utopian Eddy's beliefs were, it deals with the main problems faced by the reformer and humanist, while building his «Eden Prison». In conclusion, the author analyzes the humanistic views of T. Eddy in the assessment of a state's right to punish and execute justice. Beliefs and principles of T. Eddy anticipated the modern understanding of the social purposes of criminal punishment.

REFERENCES

1. Greenberg, D. (1976) *Crime and Law Enforcement in the Colony of New York*. New York: Cornell University Press.
2. Lewis, W.D. (1965) *From Newgate to Dannemora: The Rise of the Penitentiary in New York, 1797–1848*. New York: Cornell University Press.
3. Eddy, T. (1801) *An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York*. New York: Isaac Collins and Son.
4. Graber, J. (2011) *The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America*. The University of North Carolina Press.
5. Finney, G. (1984) Garden Paradigms in 19th Century Fiction. *Comparative Literature*. 36(1), pp. 20-33.
6. Knapp, S. (1834) *The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries*. New York: Conner & Cooke.
7. Hearn, D.A. (1997) *Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963*. Jefferson, N.C.: McFarland.